

УДК 316:75

МЕДИАНАРРАТИВ ПОДЖОГОВ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В ТАТАРСТАНЕ: КОНТРАКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

А.Н. Нурутдинова

Аннотация

В статье анализируется медианарратив поджогов православных церквей в Татарстане, произошедших осенью 2013 года. Изучение информационных телепрограмм трёх общероссийских телеканалов («Первый канал», «Россия», «НТВ») позволило установить основные элементы сюжетной линии нарратива, характерные черты образов «мы» и «они» и их изменения. Анализ сообщений выявил изменение риторики с «контракультурной» на «преступную», что служило способом завершения медианарратива и формирования законченной «картины реальности».

Ключевые слова: дискурс массмедиа, медианарратив, контракультура, религиозный экстремизм, радикальный ислам, Республика Татарстан.

В качестве примера проявления религиозного экстремизма в Татарстане в настоящей статье взяты случаи поджогов православных церквей осенью 2013 г. Актуальность исследования вызвана новизной произошедших событий, а главное – обострением в последние годы темы распространения радикального ислама в республике. Покушения на лидеров Духовного управления мусульман Татарстана летом 2012 г. буквально «взорвали» информационное поле и общественность. Именно тогда публично и открыто заговорили о распространении радикального ислама в Татарстане как о проблеме, имеющей серьёзные последствия, угрожающие стабильности региона (см. [1]).

В рамках нашего анализа важно определить, рассматривается ли поджог православных церквей как преступление в русле юридической риторики или репрезентируется более широко – как серьёзная социальная проблема, контракультурный феномен, требующий принятия кардинально новых решений на политическом уровне. Значимо и то, подчёркивается ли взаимосвязь событий 2012 и 2013 гг. Постановка вопроса средствами массовой информации во многом влияет на общественный дискурс, способствует легитимации принимаемых решений и в конечном счёте формирует социальную реальность и наше восприятие мира.

Произошедшие летом 2012 г. покушения на лидеров Духовного управления мусульман (ДУМ) Татарстана способствовали введению в общественный дискурс представлений о *радикальном исламе* и *религиозном экстремизме*. Распространение радикального ислама как контракультурного феномена наблюдается во многих странах. В исламе допускается плюрализм позиций, что и привело,

по мнению исследователей, к формированию оппозиционных, радикальных движений [2, с. 46]. Разделение ислама на «традиционный» и «нетрадиционный» связано главным образом с территориальной и исторической самоидентификацией верующих как «традиционалистов», отстаивающих свою версию ислама. Нетрадиционная для России версия ислама – неосалафийя – выступает за «очищение» религии и рассматривает её как способ борьбы за социальную справедливость [2, с. 34]. Распространение религиозного экстремизма и терроризма в России связывают с появлением радикального ислама. Под *религиозным экстремизмом* исследователи понимают совершение по мотивам религиозной нетерпимости противоправных действий (или призывы к этому) по отношению к лицам, не разделяющим эти идеи [3]. *Террористический акт* – совершение действий, «создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [4]. Данные дефиниции важны для определения специфики использования этих понятий в массмедийном дискурсе.

Осенью 2013 г. на территории Татарстана в разных районах республики были совершены поджоги нескольких церквей. Наиболее пристальное внимание СМИ привлекли события, произошедшие в ноябре: двойные поджоги в ночь на 17 число (в Новошешминском районе и в г. Чистополе) и на 29 число (в Мамадышском и Рыбнослободском районах). Храмы были сожжены дотла, одна из церквей имела и историческое значение, была построена в начале XX в. Как и в 2012 г., в случае покушения на религиозных лидеров ДУМ Татарстана, поджоги православных церквей имели значительный общественный резонанс, хотя и более сдержанный. Если покушение было «событием номер один» для большинства СМИ, то поджогам придавался статус события «чрезвычайного», но всё же не «главного». Во многом разница в статусах событий может быть объяснена конструкционистским подходом в области массовой коммуникации: первое событие обладало большей драматичностью и новизной. Немаловажным фактором, затмевавшим значимость второго события, была перенасыщенность информационного поля: ключевым происшествием стала авиакатастрофа в Казани 17 ноября 2013 г. Тем не менее тема серии поджогов церквей в Татарстане подробно освещалась в СМИ, сформировав динамично развивающийся медианарратив.

Исследователь в области массовой коммуникации А.А. Бергер, характеризуя особенности современного медиавещания, пришёл к выводу, что медиасообщения (например, фильмы, выпуски новостей) строятся по принципу нарратива. «Нарратив – это история, содержащая последовательность событий, что предполагает связь нарратива с некоторым определённым периодом времени» [5, с. 27]. Временной промежуток может быть длинным или коротким, структура рассказа может быть линейной, круговой или иметь иную форму. Важность нарративов, по мнению Бергера, заключается в том, что они пронизывают всю нашу жизнь, начиная с детских колыбельных и стихов, и являются способом восприятия мира, «демонстрации чего-либо» и «способом человеческого познания» [5, с. 31]. При изучении нарративов большая роль отводится не только

коммуникатору (нарратору), но и реципиенту (читателю, зрителю), восприятие которого настроено на прочтение «между строк».

Власть СМИ в конструировании социальной реальности активно обсуждается специалистами в области коммуникативистики. Видный французский социолог П. Бурдьё отмечает, что конструктивистская роль СМИ проявляется, в частности, в присутствии эффекта закрытости, цензуры в сфере массмедиа: происходит «круговорот информации», когда журналисты заимствуют друг у друга темы сюжетов. Различные телеканалы пытаются преподнести материал по-разному, но это различие не заметно зрителю [6, с. 35].

Известный западноевропейский лингвист Т.А. ван Дейк отмечал, что в основе идеологической составляющей массмедийного дискурса лежит «групповой менталитет», задающий основные принципы формирования коллективного мнения (что именно члены группы считают «правильным»/«неправильным» и пр.) [7]. Индивидуальные варианты соотношения группового менталитета и личного опыта исследователь назвал «ментальными моделями». Текст сообщения содержит не всю информацию, которая передаётся реципиенту, интерпретация выходит за рамки буквального смысла и несёт дополнительные значения, содержащиеся в ментальных моделях. Т.А. ван Дейк выделил предметные и контекстуальные модели: первые отражают события коммуникации, вторые влияют на характер передачи и восприятия информации посредством дополнительных вербальных и невербальных (мимика, жесты) средств коммуникации.

Исследователь отмечает, что идеологическая составляющая массмедийного дискурса отчётливо проявляется в использовании стратегии «поляризации» и «идеологического квадрата». Разделение информационного пространства сообщений на образы «мы» и «они» приводит к тиражированию «позитивных» свойств и действий первых и «негативных» – вторых. Используя лингвистический подход к изучению материалов СМИ, Т.А. ван Дейк акцентирует внимание на анализе «лексических единиц» (слов, словосочетаний, отражающих ценностные суждения ментальных моделей) и «кластеров обсуждения» (на изучении лексических единиц в предложениях, словосочетаниях). Методика дискурс-анализа, разработанная и применённая на практике Т.А. ван Дейком для изучения газетных статей, включает и другие процедуры анализа, однако в рамках данного исследования мы остановимся только на выявлении прописанных выше элементов.

Объектом исследования выступили материалы новостных программ трёх федеральных телеканалов («Первый канал», «Россия – 1», «НТВ») за период с 17 ноября по 31 декабря 2013 г. Выбранный период был определён датами наиболее растиражированных случаев поджогов (это двойные поджоги церквей – 17 и 29 ноября), учитывались также сроки актуальности события для массмедиа – до 3–4 недель. Анализировались федеральные выпуски новостных программ, все материалы были взяты с официальных сайтов компаний и находятся в открытом доступе. На первом этапе сбора материалов осуществлялся поиск статей в рубрике «Новости» по слову *Татарстан*, на втором этапе – отбор статей по степени их релевантности заявленной теме исследования. Среди 55 новостей на «Первом канале», в которых упоминалось слово *Татарстан*, лишь 1 статья так или иначе касалась темы распространения радикального ислама и преступлений, связанных с ним; среди 199 соответствующих новостей на канале

«Россия – 1» этой темы касалось 8 статей, среди 158 новостей на «НТВ» – 5 статей. Некоторые программы подверглись транскрибированию.

На «Первом канале» был все лишь 1 сюжет, косвенно связанный с поджогами церквей: рассказывалось о задержании вооружённой группы людей, один из членов которой (мужчина из Татарстана) подозревался в террористической деятельности за пределами России. На телеканале «Россия» из 9 сюжетов о радикальном исламе 5 касались темы поджога церквей, остальные имели к ней косвенное отношение, но тоже анализировались нами. Наибольшую оперативность в освещении событий демонстрировал канал «НТВ»: на следующий день после событий 17 и 29 ноября вышло в общей сложности 3 репортажа (сюжеты на канале «Россия» вышли уже в декабре). Тема поджогов православных церквей в Татарстане попадала в конструируемую СМИ «повестку дня», но не занимала в ней ключевую позицию, отсутствие пристального внимания к данным событиям со стороны федеральных телеканалов во многом объясняется, как упоминалось выше, наличием другого события, подпадающего под статус «драматического» и «сенсационного», – авиакатастрофы в Казани.

Исследуемый нами эмпирический объект, включающий выпуски новостей 3 федеральных телеканалов, можно рассматривать как единый медианарратив с разворачивающейся во времени сюжетной линией. Во-первых, в каждом выпуске новостей подчёркивалась единая линия освещаемых событий – *серия поджогов православных церквей*. Во-вторых, все 3 телеканала являются федеральными, поэтому предполагалось, что представляемая «картина» реальности в целом будет схожей, хотя возможны различия в деталях. В-третьих, объединение немногочисленных сюжетов 3 телеканалов в 1 объект расширяет возможности нарративного анализа.

Цель настоящего исследования – выявление динамики сюжетной линии медианарратива в разрезе конструирования «контркультурной» и «преступной» картины реальности. В рамках исследования было выделено 3 *фокуса дискурса-анализа*: 1) основные элементы сюжетной линии (прямо или косвенно относящиеся к изучаемому событию), их последовательность; 2) ключевые лингвистические приёмы создания образов «мы» и «они»; 3) элементы «контркультурной» и «преступной» картины реальности с учётом динамики сюжетной линии.

Основные элементы сюжетной линии составили ключевые события медианарратива: 1) поджог 2 церквей (17 ноября); 2) найдены взрывные устройства в 2 населённых пунктах Татарстана (событие произошло 16 ноября, но в медиапространство попало только спустя 2 дня); 3) поджог других церквей, одна из которых имеет историческое значение (29 ноября); 4) задержаны предполагаемые преступники (12 декабря); 5) другие проявления религиозного экстремизма, в том числе события 2012 года.

При изучении эмпирического материала учитывались все 3 фокуса анализа. Образы «мы» и «они» являются важной составляющей массмедийного дискурса как элементы идеологического влияния. В рамках изучаемого объекта «они» – это преступники, совершившие поджоги, а «мы» – это все те, кто объединяется против «них». В основе анализа материалов лежат принципы Т.А. ван Дейка – выделение лексических и контекстуальных («кластеры обсуждения») единиц образов «мы» и «они». Анализ материалов СМИ по сюжетным линиям и основным

образам проводится с учётом характера формируемой картины реальности – «контркультурной» или «преступной». Эти названия носят условный характер: под первым понимается акцентирование внимания на религиозной составляющей событий, под вторым – рассмотрение происшествий в русле «преступной» риторики. При анализе выделенные 3 фокуса изучения накладываются друг на друга.

Первый элемент сюжетной линии (поджоги церквей 17 ноября) освещался лишь коротко на телеканале «НТВ». В сюжетах, вышедших на следующий день, поднимались темы сразу трёх драматических событий, произошедших в республике: падение самолета, поджоги церквей и взрывы самодельных ракет в г. Нижнекамске. В коротком сообщении высвечивалась «контркультурная» составляющая поджогов: *Минувшей ночью в Татарстане произошло два случая вандализма в двух православных храмах – их подожгли. Инциденты произошли в городе Чистополе и селе Ленино* (I).

Произошедшие позже поджоги церквей и расследование их причин были более детально представлены в медийном дискурсе. В версиях произошедших событий прослеживалось в большей степени доминирование «преступной» составляющей. Сразу после поджога второй пары церквей было выдвинуто предположение о рассмотрении преступлений как терактов: *В Татарстане за последние полгода зафиксирован уже седьмой случай возгорания храма. Прокуратура потребовала от Следственного управления СК РФ по республике в связи с поджогами возбудить уголовные дела по статье «Теракт»* (II). В поддержку выдвинутой идеи о «теракте» приводится ссылка на мнение «авторитетного» лица – прокурора республики Илдуса Нафикова: *Ни у кого нет сомнений, что серия произошедших в республике поджогов церквей носит неслучайный характер. Правоохранительные органы Татарстана должны дать адекватный ответ тем, кто желает раскатать ситуацию в регионе»* (II).

Данное высказывание явилось одним из ключевых элементов определения события как *теракта*, который предполагает попытку влияния на принятие решений органами власти, хотя на «НТВ» отмечалась некоторая взаимосвязанность «контркультурной» и «преступной» версий: *Уголовное дело возбуждено сразу по трём статьям: «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», «Умышленное уничтожение имущества» и «Вандализм»* (III). Значимость произошедших поджогов определялась сообщением о том, что Президент республики Рустам Минниханов взял под личный контроль расследование преступлений. На телеканале «Россия», как и на «НТВ», тема поджогов церквей в разные даты была представлена как единый элемент сюжета: *С января 2013 года в Татарстане подожгли семь православных церквей. Дела соединили в одно и расследуют как теракт* (IV). Несмотря на доминирование «преступной» версии событий, на «НТВ» также прослеживалась и «культурная» сторона происшествий, указывалось, что одна из церквей является старинной. Журналисты отмечали интерес общественных организаций к защите культурного наследия: *Общество русской культуры Татарстана и Общество кряшен призывают людей через социальные сети защищать святые места своими силами* (III).

18 ноября на «НТВ» появился ещё один элемент медианарратива – сообщения о взрыве самодельных ракет, в которых указывалось, что тем самым ставится под удар безопасность граждан, экономических и других объектов.

Событие приравнивалось к террористическим актам. Был чётко сформулирован образ «мы» – простые граждане, президент республики, антитеррористическая комиссия, правоохранительные органы. На телеканале «Россия» эта тема затрагивалась в эфире 19 ноября, однако версии произошедших событий не назывались, приводились опровержения официальных лиц (правоохранительных органов, властей) о взрывах. Вместе с тем данный сюжет можно рассматривать также как способ создания «нестабильной картины» в регионе.

В следующем сюжете от 2 декабря, в котором упоминалось заявление некоего «амира Татарстана» о террористических акциях в республике, также была предпринята попытка «подогнать» произошедшие события с поджогом церковей и взрывом ракет под статус «теракта»: *1 декабря в сети Интернет было размещено видеообращение некоего «амира Татарстана» Абдуллаха, в котором он сообщает о готовящихся террористических актах. <...> «Амир» отчитался о «проделанной работе» и пригрозил новыми акциями (V).*

Освещение задержания предполагаемых поджигателей церковей было кульминационным моментом медианарратива. Первый сюжет об этом событии вышел 12 декабря, в нём прослеживались как «контркультурная», так и «преступная» составляющие. На телеканале «Россия» отмечалось, что *церкви в Татарстане спалили радикальные исламисты*. Вместе с тем подробно описывалось планирование поджогов церковей, что подчёркивало их преступный характер: *Поджоги церковей планировали, начиная с сентября этого года. <...> Бутылки с бензином были заготовлены заранее. Один из участников обливал стены бензином, другой – поджигал фитиль (VI).*

Важной составляющей контркультурной версии событий явился образ преступников: «они» – это *радикальные исламисты; молодые люди, исповедующие нетрадиционный ислам; экстремисты; спалившие церкви исламисты, которые постоянно молятся, и под. (12 декабря в ходе спецоперации задержали пятерых жителей Чистополя. Им от 22 до 35 лет, причём все они – радикальные исламисты. В полиции предполагают, что подозреваемые причастны и к другим поджогам (IV))*. На «НТВ» также сформировался образ подозреваемых на основе их религиозной идентификации: *Сотрудники полиции и УФСБ Татарстана задержали группу приверженцев нетрадиционного ислама, на счету которых как минимум два поджога. <...> В ночь на 17 ноября они облили бревенчатые стены бензином, подожгли самодельный фитиль и разбили бутылку с горючей смесью об угол здания (VII).*

Однако спустя неделю риторика информационных сообщений телеканала «Россия» кардинально изменилась. Подозреваемые идентифицировались не с представителями радикального религиозного направления, а рассматривались как *задержанные, фигуранты уголовного дела*. Подчёркивалось, что они не имеют отношения к мусульманской вере: *Церкви в Татарстане подожгли уголовники, а не исламисты. В поджогах церковей в Татарстане и подготовке терактов нет религиозной подоплёки, – заявил заммуфтия Татарстана Рустам Батров. <...> Фигуранты уголовного дела никогда не были в мечетях. За плечами некоторых – уголовные преступления. Один из подозреваемых шесть лет провёл за решёткой за изнасилование (VIII).*

В противовес созданному противоречивому образу «они» значительная часть населения республики была объединена в образ «мы». В него вошли как представители власти и силовых структур (президент республики, сотрудники полиции, МЧС и прокураторы, следователи), так и простые люди (местные жители), представители духовенства (община крещёных татар, муфтият), общественность (Общество кряшен, Общество русской культуры Татарстана). Отмечалось, что поджог церквей имеет большой общественный резонанс, подчёркивалась значимость церквей для местного населения: *Из сообщения [в социальной сети] Общества кряшен: «Кряшены! Всем внимание! Поджигают наши церкви! Встанем на защиту наших святых мест! Придавайте внимание всем приезжим в вашей деревне, организуйте круглосуточное патрулирование вокруг территории, прилегающей к церкви!»* (III); *Данная церковь строилась на протяжении 12 лет на деньги местных жителей* (II).

Образ «мы» активно строился также благодаря акцентированию успешности действий правоохранительных органов: *Из сообщения ГУ МВД по Татарстану: «Личности поджигателей и их сообщников были установлены в максимально короткие сроки»* (VII). Важным участником образа «мы» стал муфтият Татарстана, который, с одной стороны, подчёркивал нерелигиозный характер совершённых поджогов, а с другой – оправдывал действия следователей: *Комиссия Духовного управления мусульман Татарстана была создана для расследования сообщений о нарушении прав задержанных. Члены комиссии съездили в Чистополь, откуда родом задержанные. <...> Заммуфтия обещает, что следствие будет объективным и беспристрастным. Батров подчеркнул, что отрабатываются все версии, следователи не пытаются «повесить» вину на уже известных неблагонадёжных лиц* (VIII).

Значимым элементом рассмотренного медианарратива стало освещение событий, имеющих косвенное отношение к поджогам, но напрямую связанных с распространением радикального исламизма в республике. Во-первых, это дело о взрыве самодельных ракет, расследование которого проводилось параллельно с изучением материалов о поджогах церквей: *С января 2013 года в Татарстане подожгли семь православных церквей. <...> Также расследуется и ещё одно дело: 17 ноября в Алексеевском районе и Нижнекамске были найдены взрывные устройства, было заведено дело по статье о подготовке теракта* (IV).

Во-вторых, в Москве были задержаны участники «подпольной ячейки» запрещённой исламской организации, причастной к военным действиям в Афганистане и Сирии, один из лидеров которой был имамом мечети в г. Набережные Челны (Татарстан). «Первый канал» активно конструировал образ «врага», подчёркивалась связь с терроризмом: *Всего три недели назад в подмосковной Балашихе с оружием и наркотиками задержали 31-летнего уроженца Украины, которого считают участником одной из подпольных ячеек организации. По мнению следствия, он занимался вербовкой молодых женщин, уговаривал их принять ислам. Не исключено, что впоследствии, по одной из версий, из этих женщин собирались готовить террористок-смертниц* (IX).

В-третьих, с поджогами связано размещённое в Интернете видеобращение «амира Татарстана» о проведённых и готовящихся террористических актах, появившееся в начале декабря. В-четвёртых, сообщалось, что патриарх наградил

посмертно орденом Славы убитого летом 2012 г. начальника отдела образования Духовного управления мусульман Татарстана Валиуллу Якупова: *Исламский богослов и борец с ваххабизмом Валиуллу Якупов посмертно удостоен ордена Русской Православной Церкви «Славы и чести» I степени, сообщает «Интерфакс». Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл удостоил Якупова высокой награды за усилия по сохранению межрелигиозного мира и борьбу с терроризмом (X).*

Выделенные элементы медианарратива подробно освещались в рассмотренных информационных программах, однако имелись некоторые отхождения от фактологической временной линии. Так, на телеканале «Россия» сюжеты по теме исследования стали появляться только в декабре, а 1-й и 3-й элементы сюжетной линии (материалы о поджогах 17 и 29 ноября) были объединены в один эпизод. Ситуация на «НТВ» была схожей: в ноябре вышло несколько сюжетов о совершении поджогов, но уже в декабре оба эти происшествия рассматривались в рамках одного дела. На «Первом канале» освещение этой темы не прослеживалось. Можно сделать вывод, что за анализируемый период времени произошло смещение основных медиасобытий в сторону более позднего их освещения. Вызвано это несколькими причинами: одновременно с поджогом церковей 17 ноября произошла авиакатастрофа в г. Казани, которая затмила информационное поле; 12 декабря были задержаны подозреваемые в поджогах, что позволило журналистам повторить в подробностях рассказ о поджоге церковей (то есть появился новый информационный повод).

Среди основных элементов создания образа «мы» можно выделить: общенародную значимость поджогов (*церковь строилась на деньги местных жителей*), объединение усилий общественности (в том числе религиозной) в охране храмов, поддержку действий правоохранительных органов муфтиятом Татарстана (объединение элементов правового и религиозного характера). Выделение образа «они» всегда является наиболее эффективным способом объединения людей для противостояния «чуждому». В отношении задержанных формировались разные образы: *радикальные исламисты* и *преступники*. Оба определения несли негативные значения, однако первое имело ещё и ярко выраженные коннотации – взаимосвязь с другими преступлениями исламистов (покушения на лидеров ДУМ РТ, противоправные действия в других странах и регионах и пр.). Распространение образа *радикальных исламистов* фактически свидетельствовало о продолжении действий *экстремистов* после событий лета 2012 г. и ставило под сомнение эффективность действий правоохранительных органов. Поэтому использование в более поздних по времени информационных выпусках новостей термина *преступники* в отношении задержанных замыкало события о поджогах церковей на самих себя, ставя точку в расследовании этого дела. Это свидетельствовало о «затухании» нарратива, поскольку такая постановка вопроса не имела ярко выраженного идеологического подтекста.

Используемая в отношении поджогов риторика «теракта» предполагала в большей степени тиражирование образа *преступников – радикальных исламистов*. Однако тогда в дискурс массмедиа нужно было вводить события покушений на духовных лидеров мусульман Татарстана, что характеризовалось бы как продолжение религиозных противоречий. По мере развития медианарратива журналисты пытались избавиться от высказанной ранее «контркультурной»

версии поджогов, акцентируя только «преступный» характер деяний. Вместе с тем формулировка событий как «терактов» продолжала высвечиваться. В этой связи оставалось непонятным, в чём суть «террористической» составляющей поджогов, поскольку о попытках повлиять на действия органов власти ничего конкретного не говорилось.

Несмотря на доминирование в заключительной части медианарратива (и в целом во всей сюжетной линии) «преступной» версии поджогов, прослеживались «контркультурные» элементы, которые по-особому «оттеняли» события. Сюжеты, которые косвенно способствовали продвижению темы религиозного экстремизма в Татарстане, были посвящены разным проявлениям этого феномена: причастности жителей Татарстана к работе запрещённой исламской организации, покушениям на лидеров ДУМ РТ и пр. Другими словами, как бы открыто журналисты ни пытались продвинуть «преступную» версию событий, используя соответствующую риторику и ссылаясь на мнения «авторитетных» лиц, тем не менее «контркультурная» составляющая проблемы распространения радикального ислама в Татарстане всё же просачивалась через близкие по теме сюжеты.

Таким образом, проанализированный нами временной отрезок новостных программ федеральных телеканалов представляет собой законченный медианарратив. В нём обнаруживаются начало, основные события сюжетной линии, действующие лица, кульминация и развязка. Некоторая «смазанность» первой части нарратива определяется «законами» массмедийного поля – ограниченностью пропускной способности СМИ. Развитие сюжетной линии сопровождалось изменением версий относительно происшествий и подозреваемых. Переход от «контркультурной» к «преступной» риторике послужил одновременно способом завершения медианарратива: «преступная» картина реальности не создаёт дополнительного беспокойства и не требует принятия серьёзных политических решений, не расшатывает сложившееся статус-кво. Вместе с тем «контркультурная» версия событий прослеживалась неотчётливо и не приобрела законченный вид, что может сигнализировать о развитии данной риторики в будущем.

Работа выполнена за счёт средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения государственного задания в сфере научной деятельности.

Summary

A.N. Nurutdinova. The Media Narrative of Arson Attacks on Orthodox Churches in Tatarstan: A Counter-Cultural Phenomenon or a Crime?

The article analyzes the media narrative of arson attacks on Orthodox churches, which occurred in autumn 2013 in Tatarstan. The study of news programs on three national TV channels (*Channel One, Russia* and *NTV*) allowed us to identify the basic elements of the narrative's plotline and the characteristic features of the images of "we" and "them" and their variations. The analysis revealed a transformation from the counter-cultural rhetoric of the messages to the criminal one, which served as a way of completion of the media narrative and formation of a complete picture of reality.

Keywords: mass media discourse, media narrative, counter-culture, religious extremism, radical Islam, Republic of Tatarstan.

Источники

- I – В Казани нашли и обезвредили две бомбы // НТВ. – 2013. – 18 нояб. – URL: <http://www.ntv.ru/novosti/728117/>, свободный.
- II – Серию поджогов православных церквей в Татарстане считают терактом // НТВ. – 2013. – 30 нояб. – URL: <http://www.ntv.ru/novosti/744476/>, свободный.
- III – В Татарстане расследуют поджог старинной церкви // НТВ. – 2013. – 30 нояб. – URL: <http://www.ntv.ru/novosti/745476/>, свободный.
- IV – Спалившие церкви исламисты заявляют о «пытках» и хотят уйти от ответственности // Россия. – 2013. – 14 дек. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1167223>, свободный.
- V – Силовики изучают заявление о диверсиях, сделанное «амиром Татарстана» // Россия. – 2013. – 2 дек. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1162303>, свободный.
- VI – Церкви в Татарстане спалили радикальные исламисты // Россия. – 2013. – 12 дек. – URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/560960/>, свободный.
- VII – В поджогах православных церквей в Татарстане признались чистопольские исламисты // НТВ. – 2013. – 12 дек. – URL: <http://www.ntv.ru/novosti/773518/>, свободный.
- VIII – Церкви в Татарстане поджигали уголовники, а не исламисты // Россия. – 2013. – 21 дек. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1169859>, свободный.
- IX – У экстремистов, задержанных в Москве, изъяли целый арсенал // Первый канал. – 2013. – 27 нояб. – URL: <http://www.1tv.ru/news/crime/247093>, свободный.
- X – Патриарх наградил убитого муфтия орденом Славы и чести // Россия. – 2013. – 23 дек. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1170373>, свободный.

Литература

1. *Нурутдинова А.Н.* Образы «мы» и «они» в массмедийном дискурсе религиозного экстремизма в Татарстане // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 6. – С. 80–85.
2. *Малашенко А.* Ислам для России. – М.: РОССПЭН, 2007. – 192 с.
3. *Тимофеева Л.Д.* Религиозный экстремизм: анализ законодательства РФ и зарубежных стран // Экономика. Государство. Общество. – 2012. – № 1. – URL: <http://ego.uara.ru/issue/2012/01/01/>, свободный.
4. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – URL: <http://base.garant.ru/12145408/>, свободный.
5. *Бергер А.А.* Нарративы в массовой культуре, средствах массовой информации и повседневной жизни // Контексты современности – II: Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 26–35.
6. *Бурдье П.* О телевидении и журналистике. – М.: Прагматика культуры, 2002. – 160 с.
7. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

Поступила в редакцию
03.09.14

Нурутдинова Аида Наильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: aida-nur@mail.ru, Aida.Nurutdinova@kpfu.ru